БУТЕНИН Николай Аркадьевич

канд. ист. наук, доцент кафедры исторического образования Школы педагогики, Дальневосточный федеральный университет (г. Уссурийск)
Электронная почта: nikbut@list.ru

БУТЕНИНА Наталья Дмитриевна

канд. ист. наук, доцент кафедры исторического образования Школы педагогики, Дальневосточный федеральный университет (г. Уссурийск)
Электронная почта: nikbut@list.ru

Партизанское движение в Приморье в годы гражданской войны глазами участников (к публикации воспоминаний В.Е. Сержанта)

УДК 947.05(571.6) doi: 10.24866/2542-1611/2017-3/25-34

*В.Е. Сержант,
мемуары,
Дальний Восток,
гражданская война,
партизаны,
белогвардейцы и
интервенты,
Тетюхе*

Данная работа связана с публикацией в журнале мемуаров известного партизанского командира периода гражданской войны В.Е. Сержанта и представляет собой комментарий к воспоминаниям, которые в содержательном отношении значительно отличаются от опубликованных в 20-30-е годы аналогичных источников. Авторы не ограничились анализом текста, в работе ставятся вопросы о природе гражданской войны на Дальнем Востоке и партизанском движении в регионе в целом

Публикация источников традиционно считается одной из важных задач исторического сообщества. В отечественной историографии этот момент отслеживается уже с XVIII века. В этой связи работа журнала «Известия Восточного института» заслуживает всяческого одобрения. Несмотря на скромный объём журнала за последние несколько лет на его страницах появилось несколько публикаций такого рода, к которым мы можем отнести и заметки ныне работающего профессора ДВФУ А.М. Кузнецова о музыкальных молодежных увлечениях 70–80-х годов прошлого века. Но самым значительным проектом стала публикация воспоминаний известного партизанского командира В.Е. Сержанта.

К публикации этих мемуаров авторы настоящих заметок не имеют никакого отношения, не мы принимали решение о начале работы, не мы готовили отдельные части к очередным номерам журнала. На известном этапе этой работы редакция предложила нам написать некий комментарий к полностью опубликованному тексту, с чем мы, после известных колебаний, согласились. Наши сомнения определялись и относительно слабым на тот момент знакомством с историей партизанского отряда В.Е. Сержанта, и жестким определением темы. Прделанная нами предварительная работа позволила существенно расширить наши представления о партизанском движении на северном побережье Приморья, а к полученному заданию возник устойчивый интерес. Нам весьма затруд-

нительно определить жанр нашей публикации, назовем это «Заметки историков» (около 40 лет занимающихся историей гражданской войны на Дальнем Востоке).

Несколько критических замечаний в адрес редакции журнала. Публикация воспоминаний В. Е. Сержанта сильно затянулась и в настоящем 2017 году её завершение носит некий «юбилейный» характер, что первоначально, скорее всего, не планировалось. Вероятно, в дальнейшем редакция должна более тщательно подбирать материалы для подобных публикаций, исходя из объёма источника и возможностей журнала. Заметим, что в архивных хранилищах Дальнего Востока имеется значительный фонд неопубликованных воспоминаний участников гражданской войны, причем ряд материалов незначительного объёма.

Затянувшаяся публикация привела к довольно неожиданным результатам. В 2014 году, то есть в год начала публикации в журнале «Известия Восточного института», дальнегорские краеведы опубликовали альманах, в который поместили стенограмму речи В. Е. Сержанта [15, 5–60] и некоторые другие материалы, тематически связанные с содержанием воспоминаний Сержанта. Таким образом, журнал утратил первоначально задуманную роль первого публикатора. Однако редакция решила продолжить и завершить работу с текстом. Мы с большим уважением относимся к усилиям наших дальнегорских коллег, но отметим несколько немаловажных деталей. Редакция «Известий...» за основу публикации взяла документ из Государственного архива Хабаровского края, а дальнегорские краеведы ссылаются на Партийный архив Хабаровского края, давно не существующий. Это предполагает, что копия была сделана довольно давно, но какие-то обстоятельства задерживали завершение работы. Увы, короткая аннотация содержит несколько досадных ошибок: фамилия Сержанта слилась с буквой «о» (Сержантао), инициал Ширямова ошибочно указан как «В.», хотя в дальнейшем, в содержании и в самом тексте, эта ошибка отсутствует (правильно «А.»).

Обратим внимание на следующее обстоятельство. Публикуя материал, издатели (как в Дальнегорске, так и во Владивостоке) называют его «Стенограмма речи на собрании владивостокских партизан и красногвардейцев, 1932 год». Учитывая большой объём текста – этого просто не может быть. Для того, чтобы прочесть подобный текст (131 лист) требуется около недели. Трудно представить бывших партизан, способных к такой напряженной работе. На наш взгляд, доклад на собрании, вероятно, был и гораздо меньшего объёма, а вот после него и была сделана стенограмма воспоминаний с предполагаемым намерением опубликовать данный текст (судьба распорядилась им иначе, о чем речь будет позднее). Формально вины издателей нет, они назвали свой текст по архивной копии.

А вот в следующем случае можно предположить и небрежность, и невнимательность сотрудников журнала. В короткой редакционной справке они сообщают о месте нахождения архивного документа – Государственном архиве Хабаровского края ф. 44, оп. 1, д. 250, л. 1–131. Авторам хорошо известен этот фонд, принадлежащий Отделу Дальневосточной краевой комиссии по собранию и изучению материалов по истории Октябрьской революции и истории ВКП(б) при Хабаровском краевом комитете ВКП(б) (Дальистпарту). Долгое вре-

мя он хранился в партийном архиве Хабаровского края (именно там мы с ним и познакомились много лет назад), и уже в 90-е годы в связи с реорганизацией архивного дела он был передан в государственный архив и получил номер Фонд П-44. Уверю читателя, что пропущенная буква здесь имеет значение, с высокой вероятностью в указанном архиве есть фонд 44, содержащий совсем иную информацию.

Необходимым компонентом наших «заметок» должна являться географическая справка, которая может быть полезна, прежде всего, для читателя, плохо знакомого с местом основных событий в воспоминаниях Сержанта. Здесь постоянно идёт речь о Тетюхе (современное название Дальнегорск) и окружающих его селах, часть из которых тоже изменила название (одно из них – Сержантово, в честь нашего героя). Даже сейчас дорога в Дальнегорск далеко не проста, а в начале XX века этих дорог просто не было, были лишь трудно проходимые тропы. Основная связь с районом, где в начале XX века возник серебряно-свинцовый рудник, принадлежащий известному предпринимателю Ю.И. Бринеру, осуществлялась морем. Это объясняет, в частности, относительную неуязвимость отряда В.Е. Сержанта. В случае появления неприятеля у побережья отряд мог уйти в тайгу без значительных потерь.

Несколько общих замечаний о природе мемуарного источника. В отличие от документальных материалов он несет двоякую информацию: как о времени описываемых событий, так и о времени написания воспоминаний. Не прибегая к специальному источниковедческому языку – перед нами своего рода «машина времени», которая позволяет из некоего удаленного будущего корректировать, поправлять прошлое, причем из самых разных побуждений.

Чтобы не быть голословными, приведем несколько примеров из начальной части воспоминаний. Так, рассказывая о событиях февраля-марта 1917 года (автор на фронте), В.Е. Сержант утверждает, что «никто из нашей части к эсерам не примкнул» [4, 102]. Трудно в это поверить. Во всей армии и по всей России таковые были, а здесь – исключение. Автор, скорее всего, поправляет свое прошлое, чтобы исключить всякое сомнение в его изначальном большевизме. Чуть дальше он сообщает об отпуске с фронта в Приморье, по окончании которого он был назначен в одну из дружин Никольск-Уссурийского [4, 102]. Позволим себе усомниться. Автор не называет инстанцию, разрешившую ему покинуть фронт, а этих инстанций в условиях развала армии было много. Люди такого рода получили название «революционно настроенные фронтовики», но юридически они могли считаться дезертирами. И еще один эпизод. Полемизируя с председателем Тетюхинского Совдепа Шараповым о перспективах дальнейшей борьбы в связи с выступлением чехословаков, В.Е. Сержант упрекает его в «ликвидаторстве» [4, 103]. Термин относится к дореволюционной истории РСДРП и сознательно, но политически необразованному автору в 1918 году это понятие вряд ли было знакомо. Но в 1932 году В.Е. Сержант – член ВКП(б), непременно прошедший обучение в партийной школе, его уже использует. В дальнейшем мы не будем обращаться к таким мелким эпизодам, предлагая любопытным читателям самим провести такую работу.

Однако, воспоминания В.Е. Сержанта интересны не этими типичными «наслоениями» эпохи.

В 20-е – начале 30-х годов в советской исторической науке именно воспоминания участников революционных событий и гражданской войны считались приоритетными источниками. По всей стране была развернута значительная организационная работа по написанию (издавались методические рекомендации), собиранию и публикации таких материалов. В 1920 г. по инициативе М. Н. Покровского и М. С. Ольминского была создана специальная «Комиссия по изучению истории партии и Октябрьской революции» (Истпарт) [13, 138–139].

Несколько позднее были образованы её региональные подразделения (бюро). В частности, Дальистпарт начал свою работу в Чите (1922 г.), затем действовал во Владивостоке (1923–1926 гг.), наконец, после перерыва возобновил работу в Хабаровске (1929–1938 гг.) [17].

В качестве приоритетного направления в общем плане работы Истпарта, представленном В. И. Невским уже 13 сентября 1920 года, определялось – «вызвать к жизни мемуарную литературу» [12, 114]. Общества бывших партизан и красногвардейцев, на владивостокском собрании которых и прозвучала речь В. Е. Сержанта, были одной из общественных структур, обеспечивающих эту работу. Более того, они были своеобразным барьером, ограничивающим фантазию и амбиции авторов воспоминаний, выносящих их на предварительный суд очевидцев.

Важно подчеркнуть, что в начале 30-х годов заканчивалась эпоха относительного либерализма, когда принцип партийности и грядущий диктат «Краткого курса ВКП(б)» еще не определяли принципиальные оценки событий. Однако такая тенденция вполне обозначилась. Так, в «Обращении краевой партийной комиссии ко всем бывшим красноармейцам и красным партизанам» (1932 год) был составлен длинный перечень вопросов, ответы на которые должны были дать «надежные и проверенные» участники партизанского движения (РГИА ДВ. Ф. Р-736. Оп. 1. Д. 2. Л. 34). По сути, рекомендации предполагали сухие ответы на вопросы: Кто? Где? Когда? Против кого? Воспоминания В. Е. Сержанта, напротив, такой схемой не ограничиваются.

Уместно отметить, что авторы давно интересуются историей партизанского движения на Дальнем Востоке России и не раз отмечали особенности и достоинства мемуарных (опубликованных) источников 20-х годов [1; 2; 3]. Им есть с чем сравнивать. Тем более интересно было читать воспоминания Сержанта, не отредактированные цензурой. Причем особый интерес представляет не столько то, о чем открыто говорит автор (в этом отношении Сержант не был и не мог быть свободен от пропагандистских клише, формировавших общественное мнение в 20-е годы), сколько то, о чём он «проговаривается».

Мы не ставим своей задачей постраничный комментарий к воспоминаниям В. Е. Сержанта. Обратимся к тем, которые представляются нам наиболее важными и интересными.

Ключевой момент – это создание партизанского отряда, которое произошло в момент Тетюхинского восстания. Автор отмечает, что восстание было подготовлено и проведено группой местных активистов, которую он же и возглавлял. По его словам, большевиков в этот момент в районе не было, что, впрочем, оказалось не совсем так. Повстанцы арестовали несколько представителей милиции и,

так называемых, подозрительных лиц, в числе которых оказался А. А. Ширямов. Этот крупный сибирский партийный и советский деятель после поражения большевиков летом 1918 года скрывался под фамилией Михайлов и работал бухгалтером. В нём повстанцы увидели провокатора и среди прочих посадили под замок. Один из помощников Сержанта – С. Архипов, настаивал на расстреле. Сержант лично переговорил с бухгалтером и узнал в нём видного революционера и вместо расстрела направил его в штаб, где ему было поручено написание воззвания к населению района [4, 106]. С этим поручением Ширямов успешно справился. Он мог считаться вполне образованным человеком, закончил 4 класса гимназии, имел опыт работы бухгалтера, да и в большевистском подполье до 1917 года занимался пропагандистской работой.

Этот рассказ Сержанта решительно противоречил тезису о руководящей роли партии в организации партизанского движения. Как написал в своих неопубликованных записках местный краевед, в момент народного восстания «руководящая роль сидела под замком и ждала расстрела». Между тем, уже после окончания гражданской войны А. А. Ширямов вернулся к этому эпизоду в своих воспоминаниях, где дело выглядит несколько иначе. Его небольшой очерк о Тетюхинском восстании выглядит удивительно обезличено. О первоначальном и довольно устойчивом недоверии местных товарищей он ничего не упоминает, собственная роль в организации выступления не определена. Если Сержант в своих воспоминаниях отмечает собственные поиски решений, советы с товарищами, то у Ширямова действует некий «Штаб», в котором подразумевается и его присутствие [19]. Этого оказалось достаточным, чтобы в сибирской историографии Ширямов выглядел одним из организаторов партизанского движения на Дальнем Востоке [11, 533–534].

Справедливости ради, Сержант, вероятно, зная о заслугах Ширямова перед революцией (глава Иркутского ревкома в начале 1920 г., один из участников расстрела А. А. Колчака, крупные руководящие посты в последующем), констатирует участие Ширямова в дальнейшем развертывании партизанского движения в крае, не сообщая каких-либо подробностей.

Речь идёт не о конкретной роли А. А. Ширямова в партизанском движении. Гораздо важнее тот факт, что первые руководители советов Сибири и Дальнего Востока, за редким исключением (Ф. Мухин на Амуре и др.) среди организаторов партизанского движения не числятся. Видимо, для этого требовались совершенно другие качества, которые были у В. Е. Сержанта и других партизанских вождей, и которых не хватало лидерам большевиков. Командир партизанского отряда должен был обладать уникальными качествами: личная храбрость, твердая воля, умение говорить с людьми на их языке, знание таежных условий, личный опыт участия в военных действиях (за плечами большинства командиров был фронтовой опыт Первой мировой войны) и, главное, авторитет. Авторитет для командира всегда важен, но если в армии присутствуют авторитет и сила организации, то партизанский лидер был один на один с товарищами, и от личного авторитета зависело всё.

В конечном счете, сложилась любопытная ситуация. Публикация А. А. Ширямова оказалась весьма востребованной для официаль-

ной версии о руководящей роли большевиков, а вот утверждение В.Е. Сержанта о народном выступлении против белогвардейцев и интервентов было объявлено ошибочным. Это означало, что записки Сержанта не могли быть опубликованы в советской стране, а статьи Ширямова неоднократно переиздавались (в 30-е и 70-е годы и, наконец, в уже упоминавшемся сборнике дальнегорских краеведов). По количеству переизданий, таким образом, записки опережают произведения иных классиков. Вернемся к отсутствию авторского «я» в воспоминаниях А.Ширямова: как по форме, так и по содержанию, они были выполнены в полном соответствии с рекомендациями того времени.

Нам представляется очень важным описание автором отношений партизан с местным населением. Стоит заметить, что приморская тайга действительно богата зверем, а реки края – рыбой. Однако добыть крупного копытного зверя далеко не просто. Читатель, который знаком с записками В.К. Арсеньева, неоднократно встречался с эпизодами, где путешественники успешно охотились. Но герои книг Арсеньева – опытные и умелые охотники, а Дерсу Узала – охотник великолепный. Заметим также, что в местах сражений зверя найти просто невозможно. Массовый лов рыбы производится только в период нереста. А между тем партизаны остро нуждались в продуктах, о которых зависела сама их жизнь. Не понимая этого, трудно оценить эпизод в воспоминаниях Сержанта. Где-то идет бой, а командир отряда ловит рыбу [7, 95]. Соратники по оружию тоже частенько заняты подобным.

Однако накормить крупный отряд таким образом было невозможно. Стоит подчеркнуть, что Дальнегорский район не являлся и не является центром сельскохозяйственного производства. Реквизиции продуктов на складах рудника быстро исчерпали их запасы. Пополнение продуктовой базы осуществлялось за счет конфискации продовольствия на японских лесных и рыбных концессиях, о чем упоминает автор [6, 128]. Приходилось обращаться к крестьянству. Любопытный момент в воспоминаниях Сержанта: сразу после восстания отношения с крестьянами староверами (их хозяйства были особенно крепкими) вполне дружеские, они даже союзники партизан (к движению присоединилось 52 старовера), но уже через некоторое время всё меняется, и, в конце концов, против отряда Сержанта выступает староверческая «крестоносная рать» (по определению автора). Думается, религиозные убеждения здесь ни при чем. Сержанта акцентирует внимание на «провокационных слухах» распространяемых контрреволюционерами из Владивостока [5, 88]. Однако влияние белогвардейских пропагандистов значительным быть не могло – староверы традиционно сторонились политики.

Главная причина возникших трений – продовольственный вопрос. Белая пресса именвала партизан «красными бандитами» – насколько справедливыми были эти утверждения? В.Е. Сержанта один из немногих мемуаристов, которые честно пишут о сложностях в отношениях с крестьянством, сопровождая это, впрочем, рассуждениями о скупости и трусости крестьян («лидовцев»), моральном долге последних кормить партизан. Большинство мемуаристов либо обходят эту скользкую тему, либо пишут об антипартизанских настроениях отдельных «кулаков-мироедов», иногда – попов. Передислокация

отряда на юг Приморья, таким образом, была обусловлена не только военно-политической ситуацией, но и угрозой изоляции отряда и его гибели.

Весьма интересен в воспоминаниях Сержанта эпизод о переговорах с англичанами летом 1919 года [5, 81–87]. На наш взгляд, автор очень серьёзно отнесся к этому эпизоду в силу его определенной опасности. Шпиономания в Советском Союзе уже присутствовала и версия о возможности вербовки иностранной разведкой вполне могла появиться (а может и появилась).

Напротив, встреча с одним из лидеров приморских партизан С. Г. Лазо в марте 1920 года описана очень лаконично, а сам Лазо предстает военным чиновником, даже бюрократом, затягивающим решение простых вопросов [8, 117–118]. Это не случайно. Легенда о героическом партизанском вожде начала складываться несколько позднее. В. Е. Сержант никакого пиетета перед начальством не испытывает.

С вынужденным переходом отряда после выступления японцев в центральные районы Приморья участились встречи с другими партизанскими отрядами и их командирами, и не всегда эти встречи были дружескими. Особенно значительным представляется конфликт с известным партизанским командиром И. П. Шевчуком, в отряде которого, по словам Сержанта, процветало пьянство, а сам командир не только был застрельщиком этого пьянства, но и допускал мародерство и самоуправство. Резкий разговор с провинившимся командиром закончился неким примирением и, как пишет сам Сержант, «в дальнейшем Шевчук оправдал мое доверие» [9, с. 121]. Генерал-майор Красной армии И. П. Шевчук, награжденный несколькими орденами, погиб в бою за Родину в 1942 году [10, 661–662].

К слову сказать, в 1958 году была выпущена книга воспоминаний самого И. П. Шевчука на базе якобы сохранившихся рукописей в личном архиве [18]. Этого эпизода в книге нет, а сами воспоминания выглядят очень бледно. Очевидно, рукопись прошла тщательную редакцию.

Важным обстоятельством в этой истории является то, что в отряде Шевчука некоторое время находился П. П. Постышев, выполняя обязанности комиссара (официально таких должностей в отрядах не было). Постышев в своих записках, напротив, отмечал высокие боевые качества отряда и его командира, дисциплину бойцов и командиров [14, 63]. Справедливости ради, отметим, что к моменту встречи Сержанта и Шевчука Постышева в отряде уже не было. В 30-е годы прошлого века карьера Постышева привела его на самые высокие посты в партии, вплоть до ареста и затем расстрела он являлся секретарем ЦК и кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Это делало вероятность публикации воспоминаний В. Е. Сержанта чрезвычайно сомнительной.

Завершаются воспоминания Сержанта событиями начала 1921 года, когда он избирается в Учредительное собрание Дальневосточной республики и остается в Чите до конца гражданской войны [9, с. 127]. Между тем, 26 мая 1921 года в Приморье происходит «Меркуловский переворот» и военно-политическая ситуация на юге Дальнего Востока снова резко обостряется. Одним из проявлений этого обострения

становится новый этап партизанского движения в Приморье, начало которого было крайне неудачным.

Материалы Следственной комиссии по делу отступления частей сучанских и приморских военных районов дают объяснение этих неудач. Согласно показаниям М. И. Башкирова (24 года, коммунист), «перед наступлением белых... опытные командиры т. Шевченко, Корф и др. были откомандированы в Хабаровск...» (ГАХК. Ф. 1158 а. Оп. 1. Д. 1. Л. 75). В. В. Повелихин (27 лет, коммунист) обращает внимание на недоверие партизан к новым командирам, «так как их назначали» (ГАХК. Ф. 1158 а. Оп. 1. Д. 1. Л. 79). Г. М. Шевченко прямо говорит о некомпетентности назначенного комвойсками Владивостокова, «преступной нераспорядительности Штаба», спасающего «свои шкуры» (ГАХК. Ф. 1158 а. Оп. 1. Д. 1. Л. 79).

Примечательно, что в официальном докладе командующему Восточным фронтом, заверенном тем самым Владивостоковым, политика «удаления командиров, пользовавшихся дутой популярностью», определялась, как успешная борьба с так называемой партизанщиной (ГАХК. Ф. 415. Оп. 1. Д. 1. Л. 32). Впрочем, «по причине неудач и оторванности от центра» к ней пришлось вернуться: Шевченко был возвращен в Приморье для поднятия казаков.

В чём причины такого странного отстранения опытных и умелых партизан от родного края? В начале 1920 года Западная Сибирь была освобождена от колчаковских властей и уже летом того же года здесь вспыхивает серия крестьянских восстаний с главными лозунгами: «Долой продразверстку!», «Советы без коммунистов!». Ядром восставших стали бывшие партизанские отряды, а возглавили повстанцев видные командиры антиколчаковского сопротивления [20]. Восстания были жестоко подавлены, но известные выводы советское руководство сделало. Партизанские лидеры казались советским властям крайне опасными. Они были тесно связаны с населением своего края, обладали здесь значительным авторитетом, а главное – были людьми независимыми и мало управляемыми.

Воспоминания Сержанта в силу своей «неотредактированности» оказались свободны от той советской схемы, которая сложилась в 30–70-е годы XX века. В той схеме красные партизаны – сознательные борцы за Советскую власть, возглавляемые большевиками. У Сержанта партизаны – люди, втянутые в водоворот гражданской войны, которая ломала образ их жизни, нередко уродовала их. Самыми разными были мотивы участия в партизанском движении: уклонение от колчаковской мобилизации, неприятие интервенции, отсутствие работы и заработка на Тетюхинском руднике. Для молодёжи открывался путь к самореализации (отрыв от опеки родителей), бывшие фронтовики, самовольно покинувшие армию, опасались наказания и вместе с тем, очевидно, война оставила страшный след, где присутствовало неприятие войны и тяга к насилию как средству решения проблем. Тема насилия в воспоминаниях Сержанта возникает очень часто: это и изъятие продовольствия у населения, и решения о расстреле, не всегда выполняемые (как это было со староверами), или же официально оформляемое «под видом побега» (как это было с попом и милиционерами). В некоторых отрядах (у Сержанта этого нет) были совершенно узаконены телесные наказания партизан.

Стоит, однако, напомнить о жестокости и насилиях с противоположной стороны, причем с обеих сторон происходила именно эскалация насилия и жестокости. Это заставляет нас еще раз подчеркнуть, что гражданская война являла собой чудовищную трагедию в истории России.

Вместо эпилога. Жизнь В.Е. Сержанта в 20–30-е годы нам плохо известна. Он входил и возглавлял различные партизанские комиссии, вступил в ВКП(б), очень рано в графе – род занятий, появилась не очень приятная запись – пенсионер. Можно лишь догадываться о причине столь резкого ухудшения состояния здоровья, но ведь за плечами у нашего героя было две войны.

16 июня 1936 года Вячеслав Евстафьевич Сержанта был арестован, ему были предъявлены обвинения по статье 58.10 и 58.11 УК РСФСР [16]. Напомним, что 58 статья предполагала смертную казнь, либо длительное заключение. Однако дело Сержанта пересматривалось, что, возможно, было связано с отстранением Н.И. Ежова от должности руководителя НКВД и приходом на его место Л.П. Берия. Начало его работы во главе наркомата характеризуется «восстановлением социалистической законности» (что в действительности было не совсем так). В итоге В.Е. Сержанта был оправдан, из-под стражи освобожден. Датой смерти бывшего партизанского командира считается 1940 год.

Литература

1. Бутенин Н. А., Бутенин Н.Д. Партизанское движение на Дальнем Востоке в годы гражданской войны (итоги и перспективы изучения) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 3. С. 5–12.
2. Бутенин Н. А., Бутенин Н.Д. Партизанское движение в Приморье глазами современников (по материалам 20-х – начала 30 х гг. XX в.) // Проблемы отечественной истории. Материалы научной конференции. Уссурийск: б. и., 2006. С. 63–81.
3. Бутенин Н. А., Бутенин Н.Д. Становление в 1920–1930-е годы советской концепции истории партизанского движения в период Гражданской войны на Дальнем Востоке // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и во время Первой мировой войны. – Владивосток: Изд-во ООО «Рея», 2016. С. 32–39.
4. «Воспоминания о Гражданской войне в Приморье» Стенограмма речи [В.Е. Сержанта] на собрании владивостокских партизан и красновардейцев, 1932 год // Известия Восточного института. 2014. № 2 (24). С. 101–116.
5. «Воспоминания о Гражданской войне в Приморье» Стенограмма речи [В.Е. Сержанта] на собрании владивостокских партизан и красновардейцев, 1932 год // Известия Восточного института. 2015. № 1 (25). С. 79–91.
6. «Воспоминания о Гражданской войне в Приморье» Стенограмма речи [В.Е. Сержанта] на собрании владивостокских партизан и красновардейцев, 1932 год // Известия Восточного института. 2016. № 4 (32). С. 125–132.
7. «Воспоминания о Гражданской войне в Приморье» Стенограмма речи [В.Е. Сержанта] на собрании владивостокских партизан и красновардейцев, 1932 год // Известия Восточного института. 2017. № 1 (33). С. 94–107.
8. «Воспоминания о Гражданской войне в Приморье» Стенограмма речи [В.Е. Сержанта] на собрании владивостокских партизан и красновардейцев, 1932 год // Известия Восточного института. 2017. № 2 (34). С. 112–123.
9. «Воспоминания о Гражданской войне в Приморье» Стенограмма речи [В.Е. Сержанта] на собрании владивостокских партизан и красновардейцев, 1932 год // Известия Восточного института.

та. 2017. № 3 (35) С. 121–127.

10. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / Гл. ред. С. С. Хромов. – М.: «Советская энциклопедия», 1983. 704 с.

11. Историческая энциклопедия Сибири. В 3 тт. Т. 3 / Гл. ред. член.-корр. РАН В. А. Ламин. – Новосибирск: Изд. Дом «Историческое наследие Сибири», Ин-т истории СО РАН, 2009. 784 с.

12. Пересветов В. А. Деятельность Истпарта по собиранию воспоминаний об Октябрьской революции и Гражданской войне // Вопросы истории. 1981. № 5. С. 113–120.

13. Покровский М. О возникновении Истпарта (воспоминания) // Пролетарская революция. 1930. № 7–8. С. 138–139.

14. Постышев П. С. Первый партизанский Тунгусский отряд // Таежные походы: Сб. эпизодов из истории гражданской войны на Дальнем Востоке / Под ред. М. Горького, П. Постышева, И. Минца. – М.: Гос. Изд-во «История гражданской войны», 1935. С. 59–86.

15. Сержант В. Е. Стенограмма речи на собрании владивостокских партизан и красногвардейцев. 1932 год // Записки краеведческого клуба «Тетюхе»: сборник материалов Вып. 2. / Сост. и ред. В. А. Татарников, В. В. Колпаков. – Дальнегорск:

б. и., 2014. С. 5–60.

16. Сержант Вячеслав Евстафьевич. Книга Памяти. Списки жертв большевистского и коммунистического террора в Советском Союзе [Электронный ресурс] // Все-Адреса.Орг: 65 бесплатных онлайн-справочников URL <http://www.vse-adresa.org/book-of-memory/bukva-17/name-44/surname-56/repression-3> (Дата обращения: 05.07.2017).

17. Сливко С. В. Дальневосточный истпарт в 1920-е гг. // Россия и АТР. 2013. № 1. С. 36–43.

18. Шевчук И. П. Восьмой Тунгусский. Воспоминания одного из руководителей партизанского движения на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг. – М.: Военное изд-во Министерства Обороны Союза ССР, 1958. 163 с.

19. Ширямов А. А. Тетюхинское восстание (1919 г.) // Пролетарская революция. 1925. № 4 (39). С. 235–247.

20. Шишкин В. И. Вооруженное сопротивление сибирского крестьянства коммунистическому режиму в начале 1920-х годов // История сталинизма: крестьянство и власть: Матер. междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г.). – М.: РОССПЭН, 2011. С. 129–142.